

ЛЮБОВЬ ПЕТРОВНА МИХАЙЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
posnm87@bk.ru

БЕЛОМОРЬЕ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО, ЭТНОКУЛЬТУРНОГО И АРЕАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА*

Используя материалы лексикографических источников и исследований особенностей беломорских говоров, автор описывает некоторые группы слов и отдельные лексические единицы, которые являются значимыми в историческом, этнокультурном и ареальном аспектах. В центре внимания – лексика, отражающая своеобразие природы и быта жителей Беломорья, которое обусловлено длительными языковыми и культурными контактами русского населения, пришедшего на Белое море в основном из Псковской и Новгородской земель. В качестве значимой для решения вопроса о формировании лексического состава говоров Беломорья выделяется группа слов с начальным сочетанием *ке-*, часто являющимся приметой иноязычного происхождения слова. Пример *кејж*, имеющий соответствие *цеж*, ярко демонстрирует исторические связи Пскова и Беломорья. Среди многих слов, свидетельствующих об обособленности беломорских говоров, в этимологическом плане интересна лексема *приходо́тье*. Ставится задача изучения беломорской лексики в разных аспектах.

Ключевые слова: северорусские говоры, диалектная лексика, этноязыковые контакты, этимология, Белое море

Важнейшим свидетельством процессов исторического и этнокультурного значения, происходящих с древнейших времен на западной территории Российской Севера, – миграционных потоков разных групп населения, социально-экономических изменений, обусловленных как природными условиями, так и социальными катаклизмами, межгосударственными отношениями, жизненно-го уклада местного населения, свидетельством своеобразия природы региона – является язык. Все находит отражение в языке, и особенно ярко это проявляется в лексике и ономастике региона.

Рассматривая вопрос о формировании говоров Беломорья, А. С. Герд приходит к выводу о том, что лексические данные беломорских говоров в их географических связях свидетельствуют об интенсивности славянского (новгородского) движения на север, при этом отмечает «обособление тех или иных зон, происходившее в условиях встреч и симбиоза с прибалтийско-финскими диалектами, в условиях многовекового этнографического и языкового смешения» [2: 99]. Выявляя этнолингвистическую историю говоров Беломорья с опорой на их ареальные лексические связи с другими зонами русского языка, А. С. Герд приходит к выводу о том, что на эту территорию в одинаковой степени проникали и новгородцы, и ростово-суздальцы, что,

расселяясь по берегам Белого моря, в устьях больших рек, русские создали постепенно здесь тот особый, несколько обособленный этнолингвистический мир, который удивляет нас и сегодня [2: 101–102].

Ранее исследователь лексики беломорских актов XVI–XVII веков И. А. Елизаровский писал о хронологической многослойности беломорской лексики [6: 172], отражающейся и в живой речи жителей Беломорья в XX веке, в частно-

сти в сохранении заимствований из карельского, вепсского, коми, ненецкого языков [6: 234–235]. Среди причин заимствований в северорусские говоры, прежде всего из финно-угорских языков, А. И. Федоров отмечает необходимость обозначить понятия новой для русских переселенцев географической среды [15].

Материалы словарей, описывающих лексику Беломорья, отражают самые разные стороны жизнедеятельности человека и окружающего мира, мировосприятие поморов, во многом обусловленное историческими событиями прошлого, древними миграционными процессами, длительным соседством с народами Севера, своеобразием северной природы, суровыми условиями существования. Характеризуя обособленность лексического состава говоров Беломорья, выделим некоторые группы слов и отдельные лексические единицы, которые являются значимыми в историческом, этнокультурном и ареальном аспектах.

Природа края в вербальном отражении представлена разными по происхождению словами. Например, среди названий мелей наряду с русскими словами *водопоймина*, *косá*, *намóй*, *осерéдок* используется много финно-угорских заимствований: *ниóра*, *кóшка*, *чúра*, *кóрга*, *лúда* и др. [14]. Внешне совпадающее с русским слово *кóшка* ‘песчаная мель’ происходит из саамского *kóške* ‘сухой’, имеет производное слово, возникшее по русской модели, – *закошéчье* для обозначения границы обсыхающей части суши при отливе. Речь жителей Терского берега не лишена образности: «Мíлость Бóжья» – о сильном снеге, метели или дожде, «моря́на запéла», «кóшка шумít» – о шуме приближающегося шторма [8], хотя последнее изначально не содержит образного компонента.

В речи поморов совмещается субстратная лексика разного происхождения, например, «*Во время куйоги по кечкаре ходили, и я чуть в няшу не провалилась*» Сумский Посад: *күйога* – ‘отлив’ из фин. *kuiva rohja* «сухое дно» (Фасмер. Т. 2: 403)¹, *кечкара* ‘низкий топкий берег у моря, поросший травой и заливаемый водой во время прибоя’ Белом., Онеж. (СРГК. Вып. 2: 342)²; ‘песчаный некаменистый морской берег’ Арх. – из карельск. *ketčerä* «небольшая возвышенность на болоте» (Фасмер. Т. 2: 227), *няша* – ‘вязкий илистый берег или дно озера, реки и т. д.’ Белом. – из саам. норв. *njášše*, саам. тер. *nješše* ‘грязь, мусор’ (Фасмер. Т. 3: 95).

В некоторых семантических группах преобладает русская по происхождению лексика, например, ветер обозначается разными словами в зависимости от мотивировочной основы: *востóк, голомáнник, зáпад, заморóзник, лётник, моряна, обéдник, огибнáк, отрывнóй, поберéжник, побéтерь, полуночник, рúсский вéтер, сéвер, шелóник*. С названием попутного ветра *фóрдовýnt* (из голландского *voor de wind* ‘под ветром’ (Фасмер. Т. 4: 202)), известного морякам Белого моря, связано выражение *дать фóрдовень ‘побить, наказать’* (СРГК. Вып. 6: 686).

Для решения вопросов о путях формирования лексического состава говоров Беломорья, как и других говоров Севера, показательным является наличие или отсутствие в говоре начальных *ке-* и *це-* в словах одинаковой семантики, имеющих единый этимон (типа *кедить* и *цедить*, *кеп-* и *цеп-*). Отсутствие слов с начальным *це-* в языке (не только в говоре) – примета иноязычного происхождения слова, наличие – признак принадлежности к славянской лексике. В связи с этим важно выявить состав слов с начальным *ке-* в словарях, описывающих лексику Беломорья. По данным А. Подвысоцкого, к беломорским относятся слова: *кебрик* (и его производные), *кегоры, кеж, кейкала, кекос и кесос, кекур, келить и кялить, келк, келок, кентать, керёжа, керечана, керч, керча, кехтать, кечкара* – 1885 год³. С ними частично совпадает лексика словаря И. М. Дурова: *кебрюшка, кережса, керча, кехтать, кечкара*, в него включены образования от ранее зафиксированных слов: *кережник, кережничанье* и новые слова: *келейка, кепать, керейдать* – 1934 год [5: 166–167]. И. С. Меркурьев своими материалами показал устойчивость многих слов с конца XIX века: *кебрик, кегора, кеж, кейкало, керёжа, керёжса, керчак* и добавлено *керкуй*, – 1979 год [11: 64–65]. Из СРГК, содержащего значительно большее количество слов с начальным *ке-* (среди них и *кеж*, с обширной в пределах Карелии географией, но не охватывающей Беломорье), приведем только те, что относятся к говорам Беломорья: известные по ранним словарям – *кебрик, кегора, кейкала, кентать, кережса и керёжа, керёжска, керча, керча, керчак, кехтать, кечкара*, новые – *кебало, кежня, кезровый, кейва, кемча, кенъги, кера* (вариант к *керчак*), *керчи, керогаз, керогазка, керосинник* – 1995 год (СРГК. Вып. 2: 338–342). С. А. Мызников, помимо ономастических единиц

с *ке-*, отметил лексемы: *кебрик* (и вариант *кебряк*), *кегора, кентать, керёжа, керкуй, керпач, керча и керчак, керчи, кехтать, кечкара*, добавил *кейтовать, келья, кенъги-упаки, керзовый* – 2010 год [13: 146–148]. И. И. Мосеев приводит всего 5 слов: *кебрик, кегора, кедовьё, кежса, керёжса* – 2005 год [12: 170]. Н. Д. Кушков дает *кебрик, кегора, кейвы, кейкало, кейтовать, кельчик-мельчик, кентовать, керёжа, керёжска* – 2011 год [8: 48–49]. В «Сказе о Беломорье» К. П. Темп удалось обнаружить несколько слов с начальным *ке-*: *кекур, кечкара, кенъги, кеж*, – всего 4 слова – XX век [1: 289, 450].

Преднамеренная подача относительно полного списка лексем с начальным *ке-* в лексикографических источниках по беломорским говорам с указанием года их выхода дает возможность исследователю определить степень устойчивости лексических единиц, с одной стороны, и увидеть обновление диалектной лексической системы в описываемом сегменте, с другой, наблюдать динамические процессы в говоре на уровне лексики. При этом, разумеется, надо иметь в виду некоторую несоразмерность материалов лексикографических источников, обусловленную избранной территорией описания, например, Терский берег и Беломорье в целом, а также количеством собирателей лексики для словаря (ср. авторские словари и СРГК).

Представленные выше сведения показали, что среди устойчивых с середины XIX века по настоящее время лексем большинство иноязычного происхождения, только слово *кеж* и производное, опосредованно связанное с ним *кежня*, служащее для обозначения толстого неповоротливого человека (от *кежня* ‘квашня’) в беломорских говорах (СРГК. Вып. 2: 339), относятся к славянским, не испытавшим общее славянское изменение – вторую палatalизацию. Связь данного слова с псковскими говорами очевидна, хотя и не является непосредственной. Древность данного явления не подлежит сомнению.

Северо-западному и северному слову *кеж* противостоит общерусское *цеж* ‘жидкий процеженный раствор овсяной муки, на кисель’; *цёжа* пск., твер. ‘забелка, или приправа ко щам, из за болтки овсяной муки’ (Даль. Т. 4: 576)⁴.

Ареальное противопоставление древненовгородского начального *ке-* (*къл-, къд-, къв-, къп-, хър-*) и южного/юго-восточного начального *це-* (*цъл-, цъд-, цъв-, цъп-, спър-*) в пределах восточнославянского диалектного континуума [7: 221] основано на отсутствии преобразования индоевропейского сочетания заднеязычного согласного с гласным *и* дифтонгического происхождения, объясняемом влиянием соседних прибалтийско-финских языков [4: 42].

Слово *кеж* ‘овсяный раствор для киселя’ относится к собственно псковским из **kъditi*, в говоры Ладого-Тихвинской группы северного наречия проникло из псковских диалектов [3: 189], как и в некоторые другие северорусские говоры. О связях беломорской территории с древней новгородско-псковской землей, безусловно, слово *кеж* выступает как неопровергимый свидетель. Во

второй половине XX века кольские поморы слово *кеж* ‘приготовленный на холодной воде мучной раствор’ воспринимали как устаревшее [11: 64].

В поморских говорах семантика слова *кеж* несколько изменилась, хотя и сохранила основную сему: *кеж* ‘сок из брусники, клюквы, черники, употребляемый для приготовления киселя, желе’ [6: 193]. *Кеж* ‘сок ягод’ стало основой новой лексемы – *кёжный* ‘приготовленный из ягодного сока’:

Кежный чай – кипяток с ягодным соком, ране вместо китайского пили. *Кежный кисель* – кисель из сока ягод. *Кеж* малиновый – перво лекарство. Брусника для *кежа* больно хороша, не бусеет она. *Кежный кисель* из ягод смородинных да из клюквы хороши [1: 464].

Большинство беломорских слов на *ке-* относятся к субстратным, ср. данные М. Фасмера:

кёбрик ‘поплавок, свернутый из бересты’ из карел. *käbrü*, фин., *käprü* ‘то же’, *кёгора* ‘пастбище для оленей’ из фин., карел. *kiekerö* ‘то же’, *кёйкало* ‘деревянная дощечка со знаком владельца, висящая на шее оленя’ из саам. *kéuyal* ‘то же’, *кёреж*, *керёжса*, *кёрес* ‘саам. сани’ из саам. *kierräs* ‘то же’, *кёхтать* ‘иметь желание, охоту к чему-л.’, ‘смекать, понимать, уметь’ из карел. *kehtoa-*, фин. *kehdata* ‘считать достойным труда, заботиться’ (Фасмер. Т. 4: 220–227).

Привлекает внимание своеобразный земледельческий термин *чищемέнь* ‘площадь из-под срубленного и очищенного от корневищ леса, подготовленная под пашню или луговину’ [1: 383], свидетельствующий о подсечно-огневом земледелии в Беломорье. Данное слово интересно в словообразовательном отношении, так как совмещает в своем составе русский корень и формант, имеющий прибалтийско-финскую этимологию [10: 203–206].

Кемским говорам известно слово *бáндить* ‘быть мягким, хорошо поднявшимся (о пропеченном хлебе)’ (СРГК. Вып. 1: 37), связанное корневой морфемой и семантикой с белорусскими словами *бáнды*, *бáндэ*, *бáнда* ‘булочка из пшеничной муки, обычно круглая; печенья хлеб’, с польским *bonda* ‘буханочка хлеба, булочка’, которые, в свою очередь, восходят к литовскому *bandà* ‘буханка, каравай хлеба’ [9: 9–10]. Надо полагать, что с псковско-новгородским колонизационным потоком литовское слово с сохранившейся семантикой дошло до говоров Беломорья.

Печига ‘длинная продолговатая ладка для запекания рыбы’: *В печиге рыбу с головой и хвостом запекают, без потери рыбьего скусу поспевает* [1: 457], по имеющимся данным, не отмечено другими словарями.

Сажéник ‘женский головной убор: головная повязка, украшенная, кроме вышивки, еще и жемчугом и драгоценным каменьем’ известно было в Беломорье в начале XX века [1: 453]. Производным является слово *сажáть* ‘вышивать, отделять чем-н.’ Севмор. (СРГК. Вып. 5: 622), ср.:

У деревенских-то девиц головны повязки сажены жемчугом. Старинны они, от баушек. – Сюзьма, 1910 год; У кого жемчуга в семье есть, те не скучятся невесте саженик украсить. Сажают и жемчужок, и каменья. Сюзьма [1: 453].

Некоторые данные позволяют расширить сведения о географии бытования слова: *лопотýстый* ‘имеющий много одежды’ Перм., Урал., Вят., Сиб. (СРНГ. Вып. 17: 140)⁵, ср. беломорское *лапотистая* ‘обеспеченная одеждой’⁶: *Лапотистая она, да нехозяйственная, дом не в приборе. Лапотье, видать, родители наживали, за их спиной жила* [1: 451].

К. П. Гемп приводит лексемы *приходохтье* – о ком-, чем-либо любимом, нравящемся, приглядывающемся и *приходохтыце* – об избранном:

Приходохтье-то мое не торопится сватов слать, то и тоска мне, батюшка поглядыват строго, Парень мне давно глянулся, а он и посватался. Теперь он приходохтыце мое, все знают. Зарученье будет, женихаться станем [1: 527].

В селе Сумский Посад Беломорского района И. М. Дуров зафиксировал фонетический вариант: *прихахóтьё* ‘нездачливый жених, не нравящийся родственникам ухажер или жених’, ‘сожитель у замужней женщины, женатый ухажер у девушки’ [5: 341]. В слове *прихахóтье* (*прихахтье*) предположительно выделяется приставка *при-* и суффикс *-(-o)mj-*, корневая морфема вызывает затруднения как в формальном, так и в этимологическом плане. В поиске ответа помогает наличие в прибалтийско-финских диалектах слов *prikosa*, *priha* – вариантов заимствования русского слова *пригожий*⁶, употребляющегося преимущественно в народной поэзии. Наблюдается непосредственная связь слов *прихахóтье* и *priha*, однако очевидны сложные процессы адаптации русского слова в прибалтийско-финской языковой среде и возвращения его в родную стихию (обратного заимствования). При вхождении в неродственную языковую систему слово обычно меняет форму, подчиняясь структурным законам языка – реципиента. Нельзя исключать влияние дополнительных факторов, способствовавших изменению корня *-гож-* > *-хож-*. Появление слова *прихахóтье* ярко свидетельствует о сложных лингвистических процессах в зонах длительного этнокультурного взаимодействия, к которым относится Карельское Поморье.

При описании семантики, словообразования и этимологии отдельных слов обнаруживается своеобразие и некоторая обособленность лексической системы говоров Беломорья. Приведенные материалы в какой-то степени подчеркивают неповторимость Русского Севера, частью которого является Беломорье. Проникновение в историю, этимологию беломорского слова, явившегося результатом многовекового этнокультурного взаимодействия русского, прибалтийско-финских и других народов, населяющих Беломорье, является одной из неотложных задач лингвистической науки.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00810.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1973. В тексте в круглых скобках указан том и через двоеточие страницы.

- ² Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005. В круглых скобках указано СРГК и через двоеточие страницы.
- ³ Подвысоцкий А. О. Словарь архангельского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Издание Второго отделения Императорской академии наук, 1885. С. 65.
- ⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1956.
- ⁵ Словарь русских народных говоров / Сост. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–2. М.; Л.: Наука, 1965–1966; Вып. 3–25. Л.: Наука, 1967–1990; Вып. 26–49. СПб.: Наука, 1991–2016. В круглых скобках указано СРНГ и через двоеточие страницы.
- ⁶ Suomen kielen etymologinen sanakirja. О. 1–7. Helsinki, 1955–1981. S. 620.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений / Вступ. ст. Д. С. Лихачева, Ф. А. Абрамова; Науч. ред. В. Н. Булатов; Подгот. С. Я. Косухина, Л. С. Скепнер. 2-е изд., доп. М.: Наука; Архангельск: Помор. ун-т, 2004. С. 275–568.
- Герд А. С. К истории образования говоров Беломорья // Диалектное и просторечное слово в синхронии и диахронии. Вологда, 1987. С. 94–103.
- Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (И, К, Л, М) // Севернорусские говоры. Вып. 8: Межвуз сб. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 173–235.
- Глускина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. II. Псков, 1968. С. 20–43.
- Дуро́в И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карнц РАН, 2011. 455 с.
- Елизаровский И. А. Лексика беломорских актов XVI–XVII вв. Архангельск, 1958. 240 с.
- Зализняк А. А. Значение берестяных грамот для истории русского языка // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Индрик, 2003. С. 218–223.
- Кушков Н. Д. Поморский говор. Пословицы, поговорки, присказки, лексика. Варзуга Мурманской области: Опимах, 2011. 168 с.
- Лаучюте Ю. А. Словарь балтанизмов в славянских языках. Л.: Наука, 1982. 211 с.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург: Изд-во Уральского ГУ, 2001. 346 с.
- Меркурев И. С. Живая речь кольских поморов / Под науч. ред. Б. Л. Богородского. Мурманск: Мурманское книжн. изд-во, 1979. 184 с.
- Мосеев И. И. Поморская говоря: Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. 372 с.
- Мызников С. А. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб.: Наука, 2010. 496 с.
- Павлова А. В. Поморская гидрографическая лексика в синхронии и диахронии: Дис. ... канд. филол. наук. Мурманск, 2011. 260 с.
- Федоров А. И. Освоение заимствованных слов в севернорусских говорах // Диалектная лексика 1969. Л., 1971. С. 219–226.

Mikhailova L. P., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

BELOMORYE AS AN OBJECT OF HISTORICAL, ETHNOCULTURAL AND AREAL RESEARCH THROUGH THE PRISM OF LANGUAGE*

Analyzing lexicographical materials and studies of the White Sea dialects peculiarities, the author describes certain word groups and individual lexical units that are significant in terms of historical, ethnocultural and areal aspects. The focus is on the vocabulary reflecting the unique nature and life of the inhabitants of Belomorye (a geographical area in Russia, comprising the entire coast of the White Sea and the surrounding areas), determined by long-term linguistic and cultural contacts of the Russian population having arrived to the White Sea mainly from Pskov and Novgorod lands. To solve the problem of the White Sea dialects vocabulary formation a significant group is singled out, i. e. a group of Russian words with an initial combination *ke-*, which is often a sign of a word's foreign origin. An example of Russian *кејж*, equivalent to *чеж*, vividly demonstrates the historical ties between Pskov and Belomorye. Among many words that indicate the isolation of the White Sea dialects, the word *приходомъе* (*prihohotye*) is interesting from the etymological point of view. The task of studying Belomorye vocabulary in different aspects is posed.

Key words: northern Russian dialects, dialectal vocabulary, ethnolinguistic contacts, etymology, the White Sea

* The research is sponsored by Russian Foundation for Basic Research as part of project No 18-012-00810.

REFERENCES

- Гемп К. П. Tale of the White Sea coast. Dictionary of the Pomor language. D. S. Likhachyova, F. A. Abramova (Foreword); V. N. Bulatov (Sci. Ed.); S. Y. Kosukhina, L. S. Skepner (Prep.). Moscow, Arkhangelsk, 2004. P. 275–568. (In Russ.)
- Герд А. С. The history of the formation of the White Sea dialects. Dialektnoye i prostorechnoye slovo v sinkhronii i diakhronii. Vologda, 1987. P. 94–103. (In Russ.)
- Герд А. С. Materials for the etymological dictionary of the northern Russian dialects (I, K, L, M). *Severnorussskie govory*. Вып. 8. Межвуз. сб. St. Petersburg, 2004. P. 173–235. (In Russ.)
- Глускина С. М. The second palatalization of the guttural consonants in the Russian language (using the materials of the northwestern dialects). *Pskovskie govory*. II. Pskov, 1968. P. 20–43. (In Russ.)
- Дуро́в И. М. Dictionary of the living Pomor language in its everyday and ethnographic usage. Petrozavodsk, 2011. 455 p. (In Russ.)
- Елизаровский И. А. Vocabulary of the White Sea acts of the 16th and 17th centuries. Arkhangelsk, 1958. 240 p. (In Russ.)
- Зализняк А. А. The significance of the birchbark letters for the Russian language history. *Berestyanie gramoty: 50 let otkrytiya i izucheniya*. Otv. red. V. L. Yanin. Moscow, 2003. P. 218–223. (In Russ.)
- Кушков Н. Д. The Pomor dialect.. Proverbs, sayings, embellishments and vocabulary. Varzuga (Murmansk Region): Opimah, 2011. 168 p. (In Russ.)
- Лаучюте Ю. А. Dictionary of Baltic borrowings in the Slavic languages. Leningrad, 1982. 211 p. (In Russ.)
- Матвеев А. К. Substrate toponymy of the Russian North. Part I. Yekaterinburg, 2001. 346 p. (In Russ.)
- Меркурев И. С. Live speech of the Kola Pomors. Pod nauch. red. B. L. Bogorodsky (Sci. Ed.). Murmansk, 1979. 184 p. (In Russ.)
- Мосеев И. И. The Pomor spoken language. Arkhangelsk, 2005. 372 p. (In Russ.)
- Мызников С. А. Russian dialects of the White Sea. Materials for a dictionary. St. Petersburg, 2010. 496 p. (In Russ.)
- Павлова А. В. The Pomor hydrographic vocabulary in synchrony and diachrony: Diss. ... Cand. Sci. (Philology). Murmansk, 2011. 260 p. (In Russ.)
- Федоров А. И. Assimilation of borrowed words in the northern Russian dialects. *Dialektnaya leksika* 1969. Leningrad, 1971. P. 219–226. (In Russ.)